

И. В. КИРЕЕВСКИЙ

Отрывки

Древнерусская, православно-христианская образованность, лежавшая в основании всего общественного и частного быта России, заложившая особенный склад русского ума, стремящегося ко внутренней цельности мышления, и создавшая особенный характер коренных русских нравов, проникнутых постоянною памятью об отношении всего временного к вечному и человеческого к божественному, — та образованность, которой следы до сих пор еще сохраняются в народе, была остановлена в своем развитии прежде, чем могла принести прочный плод в жизни или даже обнаружить свое процветание в разуме. На поверхности русской жизни господствует образованность заимствованная, возросшая на другом корне. Противоречие основных начал двух спорящих между собою образованностей есть главнейшая, если не единственная, причина всех зол и недостатков, которые могут быть замечены в Русской земле. Потому примирение обеих образованностей в таком мышлении, которого основание заключало бы в себе самый корень древнерусской образованности, а развитие состояло бы в сознании всей образованности западной и в подчинении ее выводов господствующему духу православно-христианского любомудрия, — такое примирительное мышление могло бы быть началом новой умственной жизни в России и — кто знает? — может быть, нашло бы отголоски и на Западе, среди искренних мыслителей, беспристрастно ищущих истины.

Чья вина была в том, что древнерусская образованность не могла развиваться и господствовать над образованностью Запада? Вина ли внешних исторических обстоятельств или внутреннего ослабления духовной жизни русского человека? Решение этого вопроса не касается нашего предмета. Заметим только, что характер просвещения, стремящегося к внутренней, духовной цельности, тем отличается от просвещения логического, или чувственно-опытного, или вообще основанного на развитии распавшихся сил разума, что последнее, не имея существенного

отношения к нравственному настроению человека, не возвышается и не упадает от его внутренней высоты или низости, но, быв однажды приобретено, остается навсегда его собственностью, независимо от настроения его духа. Просвещение духовное, напротив того, есть знание живое: оно приобретается по мере внутреннего стремления к нравственной высоте и цельности и исчезает вместе с этим стремлением, оставляя в уме одну наружность своей формы. Его можно погасить в себе, если не поддерживать постоянно того огня, которым оно загорелось.

По этой причине, кажется, нельзя не предположить, что хотя сильные внешние причины очевидно противились развитию самобытной русской образованности, однако же упадок ее совершился и не без внутренней вины русского человека. Стремление к внешней формальности, которое мы замечаем в русских раскольниках, дает повод думать, что в первоначальном направлении русской образованности произошло некоторое ослабление еще гораздо прежде петровского переворота. Когда же мы вспомним, что в конце XV и в начале XVI века были сильные партии между представителями тогдашней образованности России, которые начали смешивать христианское с византийским и по византийской форме хотели определить общественную жизнь России, еще искавшую тогда своего равновесия, то мы поймем, что в это самое время и, может быть, в этом самом стремлении и начинался упадок русской образованности. Ибо действительно, как скоро византийские законы стали вмешиваться в дело русской общественной жизни и для грядущего России начали брать образцы из прошедшего порядка Восточно-Римской империи, то в этом движении ума уже была решена судьба русской коренной образованности. Подчинив развитие общества чужой форме, русский человек тем самым лишил себя возможности живого и правильного возрастания в самобытном просвещении и хотя сохранил святую истину в чистом и неискаженном виде, но стеснил свободное в ней развитие ума и тем подвергся сначала невежеству, потом, вследствие невежества, подчинился непреодолимому влиянию чужой образованности.

Хотя просвещение иноземное принадлежит почти исключительно высшему, так называемому *образованному* классу русского народа, а первобытное просвещение России хранится, не развиваясь, в нравах, обычаях и внутреннем складе ума так называемого простого народа, — однако ж противоречие этих двух просвещений отзывается равно вредными последствиями на оба класса. Ни тут, ни там нет ничего цельного, однородно-

го. Ни иноземная образованность не может принести даже тех плодов, какие она приносит в других странах, ибо не находит для себя корня в земле; ни коренная образованность не может сохранять своего значения, потому что вся внешняя жизнь проникнута другим смыслом. В нравственном отношении такое противоречие еще вреднее, чем в умственном, и большая часть пороков русского человека, которые приписываются разным случайным причинам, происходят единственно от этого основного разногласия русской жизни.

Самый образ распространения внешней иноземной образованности посреди русского народа уже определяет характер ее нравственного влияния. Ибо распространение это совершается, как я уже сказал, не силою внутреннего убеждения, но силою внешнего соблазна или внешней необходимости. В обычаях и нравах своих отцов русский человек видит что-то святое; в обычаях и нравах привходящей образованности он видит только приманчивое, или выгодное, или просто насильственно неразумное. Потому обыкновенно он поддается образованности против совести как злу, которому противостоять не нашел в себе силы. Принимая чужие нравы и обычаи, он не изменяет своего образа мыслей, но ему изменяет. Сначала увлекается или поддается, потом уже составляет себе образ мыслей, согласный с своим образом жизни. Потому, чтобы сделаться образованным, ему прежде нужно сделаться более или менее отступником от своих внутренних убеждений. Какие последствия должно иметь такое начало образованности на нравственный характер народа — легко отгадать заочно. Правда, до сих пор, слава богу, русский народ еще не теряет своей чистой веры и многих драгоценных качеств, которые из этой веры рождаются; но, по несчастью, нельзя не сознаться, что он потерял уже одну из необходимых основ общественной добродетели: уважение к святыне *правды*.

Здесь коснулись мы такого предмета, о котором едва ли может говорить равнодушно человек, сколько-нибудь любящий свое отечество. Ибо если есть какое зло в России, если есть какое-либо неустройство в ее общественных отношениях, если есть вообще причины страдать русскому человеку, то все они первым корнем своим имеют неуважение к святости правды.

Да, к несчастью, русскому человеку легко солгать. Он почитает ложь грехом общепринятым, неизбежным, почти не стыдным, каким-то внешним грехом, происходящим из необходимости внешних отношений, на которые он смотрит как на какую-то неразумную силу. Потому он не задумавшись готов

отдать жизнь за свое убежденно, претерпеть все лишения для того, чтобы не запятнать своей совести, и в то же время лжет за копейку барыша, лжет за стакан вина, лжет из боязни, лжет из выгоды, лжет без выгоды. Так удивительно сложились его понятия в последнее полуторастолетие. Он совершенно не дорожит своим внешним словом. Его слово — это не он, это его вещь, которою он владеет на праве римской собственности, то есть может ее употреблять и истреблять, не отвечая ни перед кем. Он не дорожит даже своею присягою. На площади каждого города можно видеть калачников, которые каждый торг ходят по десяти раз в день присягать в том, что они не видали драки, бывшей перед их глазами. При каждой покупке земли, при каждом вводе во владение собираются все окружные соседи присягать, сами не зная в чем и не интересуясь узнать этого. И это отсутствие правды у того самого народа, которого древние путешественники хвалили за правдолюбие, который так дорожил присягою, что даже в правом деле скорее готов был отказаться от своего иска, чем произнести клятву!

А между тем, лишившись правдивости слова, как может человек надеяться видеть устройство правды я его общественных отношениях? Покуда не возрастит он в себе безусловное уважение к правде слова, каким внешним надзором можно уберечь общество от тех злоупотреблений, которые только самим обществом могут быть замечены, оценены и исправлены?

Но это отсутствие правды, благодаря Бога, проникло еще не в самую глубину души русского человека; еще есть сферы жизни, где святость правды и верность слову для него остались священными. На этой части его сердца, уцелевшей от заразы, утверждается возможность его будущего возрождения. Много путей открывается перед мыслию, по которым русский человек может идти к возрождению в прежнюю стройность жизни. Все они с большею или меньшею вероятностию могут вести к желанной цели, ибо достижение этой цели еще возможно, покуда силы русского духа еще не утрачены, покуда вера в нем еще не погасла, покуда на господственном состоянии его духа еще лежит печать прежней цельности бытия. Но одно достоверно и несомненно, что тот вред, который чужая образованность производит в умственном и нравственном развитии русского народа, не может быть устранен насильственным удалением от этой образованности или от ее источника — европейской науки. Ибо, во-первых, это удаление невозможно. Никакие карантинны не остановят мысли и только могут придать ей силу и заманчивость тайны. Во-вторых, если бы и возможно было остановить

вход новых мыслей, то это было бы еще вреднее для русской образованности, ибо в России движется уже так много прежде вошедших понятий Запада, что новые могли бы только ослабить вред прежних, разлагая и разъясняя, и доводя до своего отвлеченного основания, с которым вместе должны они или упасть, или остаться. Ибо в настоящее время все развитие европейского ума, сознаваясь, разлагается до своего последнего начала, которое само сознает свою неудовлетворительность. Между тем как, оставаясь неконченными и несознанными, но только требующими приложения и воплощения, прежние понятия Запада могли бы быть тем вреднее в России, что лишились бы своего противодействия в собственном развитии. Если бы не узнала Россия Шеллинга и Гегеля, то как уничтожилось бы господство Вольтера и энциклопедистов над русскою образованностью? Но, наконец, если бы даже и возможно было совершенно изгнать западную образованность из России, то кратковременное невежество подвергло бы ее опять еще сильнейшему влиянию чужого просвещения. Россия опять воротилась бы к той эпохе петровского преобразования, когда введение всего западного, только потому что оно не русское, почиталось уже благом для России, ибо влекло за собой образованность. И что же вышло бы из этого? Все плоды полутора столетнего ученичества России были бы уничтожены для того, чтобы ей снова начать тот же курс учения.

Один из самых прямых путей к уничтожению вреда от образованности иноземной, противоречащей духу просвещения христианского, был бы, конечно, тот, чтобы развитием законов самобытного мышления подчинить весь смысл западной образованности господству православно-христианского убеждения. Ибо мы видели, что христианское любомудрие иначе понимается Православною Церковью, чем как оно понимается Церковью Римскою или протестантскими исповеданиями. Затруднения, которые встречало христианское мышление на Западе, не могут относиться к мышлению православному. Для развития же этого самобытного православного мышления не требуется особой гениальности. Напротив, гениальность, предполагающая непременно оригинальность, могла бы даже повредить полноте истины. Развитие этого мышления должно быть общим делом всех людей верующих и мыслящих, знакомых с писаниями св. Отцев и с западною образованностию. Данные к нему готовы: с одной стороны, западное мышление, силою собственного развития дошедшее до сознания своей несостоятельности и требующее нового начала, которого еще не знает; с другой — глубокое,

живое и чистое любомудрие св. Отцев, представляющее зародыш этого высшего философского начала. Его простое развитие, соответственное современному состоянию науки и сообразное требованиям и вопросам современного разума, составило бы само собой, без всяких остроумных открытий, ту новую науку мышления, которая должна уничтожить болезненное противоречие между умом и верою, между внутренними убеждениями и внешнею жизнью.

Но любомудрие св. Отцев представляет только зародыш этой будущей философии, которая требуется всею совокупностию современной русской образованности, — зародыш живой и ясный, но нуждавшийся еще в развитии и не составляющий еще самой науки философии. Ибо философия не есть основное убеждение, но мысленное развитие того отношения, которое существует между этим основным убеждением и современною образованностию. Только из такого развития своего получает она силу сообщать свое направление всем другим наукам, будучи вместе их первым основанием и последним результатом. Думать же, что у нас уже есть философия готовая, заключающаяся в Св. Отцах, было крайне ошибочно. Философия наша должна еще создаться, и создаться, как я сказал, не одним человеком, но вырастать на виду, сочувственным содействием общего единомыслия.

Может быть, для того благое Провидение и попустило русскому народу перейти через невежество к подчинению иноземной образованности, чтобы в борьбе с чужими стихиями православное просвещение овладело, наконец, всем умственным развитием современного мира, доставшимся ему в удел от всей прежней умственной жизни человечества, и чтобы, обогатившись мирскою мудростию, истина христианская тем полнее и торжественнее явила свое господство над относительными истинами человеческого разума. Ибо, несмотря на видимое преобладание иноземной образованности, несмотря на тот вред, который она принесла нравственному характеру народа, поколебав в одном классе чувство правды, в другом поколебав вместе и правду, и истину, — несмотря на все зло, ею причиненное, еще остались в России, еще есть в ней несомненные залогов возрождения в прежнюю православную цельность. Эти залогов — живая вера народа в Св. Православную Церковь, память его прежней истории и явно уцелевшие следы прежней внутренней цельности его существования, сохранившемся в обычном и естественном настроении его духа, — в этом еще не замолкнувшем отголоске прежней его жизни, воспитанной внутри однородного общест-

венного состава, насквозь проникнутого православным учением Церкви. Так, рассматривая внимательно и хладнокровно отношение западной философии к русскому просвещению, кажется, без самообольщения можно сказать, что время для полного и общего переворота русского мышления уже недалеко. Ибо когда мы сообразим, как неудовлетворительность западного любомудрия требует нового начала, которого оно не находит во всем объеме западного просвещения; как это высшее начало знания хранится внутри Православной Церкви; как живоительно для ума и науки могло быть развитие мысли, сообразное этому высшему началу; как самое богатство современного внешнего знания могло бы служить побуждением для этого развития и его опорой в разуме человека; как неестественно было бы оно для всего, что есть истинного в естественных приобретениях человеческого разума, — как живоительно для всего, что требует жизни, — как удовлетворительно могло бы оно отвечать на все вопросы ума и сердца, требующие и не находящие себе разрешения; — когда мы сообразим все это, то нам не то кажется сомнительным, скоро ли разовьется, но то удивительным, отчего до сих пор еще не развилось у нас это новое самосознание ума, так настоятельно требуемое всею совокупностью нашей умственной и нравственной образованности. Возможность такого знания так близка к уму всякого образованного и верующего человека, что, казалось бы, достаточно одной случайной искры мысли, чтобы зажечь огонь неугасимого стремления к этому новому и живоительному мышлению, долженствующему согласить веру и разум, наполнить пустоту, которая раздвояет два мира, требующие соединения, утвердить в уме человека истину духовную видимым ее господством над истиною естественною, и возвысить истину естественную ее правильным отношением к духовной, и связать, наконец, обе истины в одну живую мысль; ибо истина одна, как один ум человека, созданный стремиться к Единому Богу.

Указания Св. Отцев примет верующее любомудрие за первые данные для своего разумения, тем более что указания эти не могут быть отгаданы отвлеченным мышлением. Ибо истины, ими выражаемые, были добыты ими из внутреннего непосредственного опыта и передаются нам не как логический вывод, который и наш разум мог бы сделать, но как известия очевидца о стране, в которой он был.

Если не на все вопросы ума найдет верующая философия готовые ответы в писаниях Св. Отцев, то, основываясь на истинах, ими выраженных, и на своем убеждении, она будет искать в совокупности этих двух указаний прямого пути к разумению других предметов знания. И во всяком случае способ мышления разума верующего будет отличен от разума, ищущего убеждения или опирающегося на убеждение отвлеченное. Особенность эту, кроме твердости коренной истины, будут составлять те данные, которые разум получит от святых мыслителей, просвещенных высшим зрением, и то стремление к внутренней цельности, которое не позволяет уму принять истину мертвую за живую, и, наконец, та крайняя совестливость, с которою искренняя вера отличает истицу вечную и Божественную от той, которая может быть (добыта) мнением человека или народа или времени.

Задача: Разрабатывание общественного самосознания. Истинные убеждения благодетельны и сильны только в совокупности своей.

Добрые силы в одиночества не растут. Рожь загложнет между сорных трав.

Распадение единства Богопознания на разнообразные влечения к частным благам и на разноречащие признаки частных истин.

Слово должно быть не ящик, в который заключается мысль, но проводник, который передает его другим; не подвал, куда складываются сокровища ума и знания, но дверь, через которую они выносятся. И странный закон этих сокровищ: чем более их выносятся наружу, тем более их остается в хранилище. Дающая рука не оскудеет.

Слово, как прозрачное тело духа, должно соответствовать всем его движениям. Потому оно беспрестанно должно менять свою краску, сообразно беспрестанно изменяющемуся сцеплению и разрешению мыслей. В его переливчатом смысле должно трепетать и отзываться каждое дыхание ума. Оно и должно дышать свободой внутренней жизни. Потому слово, окостенелое в школьных формулах, не может выражать духа, как труп не

выражает жизни. Однако ж, изменяясь в оттенках своих, оно не должно переиначиваться в внутреннем составе.

Для одного отвлеченного мышления существенное вообще недоступно. Только существенность может прикасаться существенному. Отвлеченное мышление имеет дело только с границами и отношениями понятий. Законы разума и вещества, которые составляют его содержание, сами по себе не имеют существенности, но являются только совокупностью отношений. Ибо существенного в мире есть только разумно свободная личность. Она одна имеет самобытное значение. Все остальное имеет значение только относительное. Но для рационального мышления живая личность разлагается на отвлеченные законы саморазвития или является произведением посторонних начал, и в обоих случаях теряет свой настоящий смысл.

Потому отвлеченное мышление, касаясь предметов веры, по наружности может быть весьма сходно с ее учением; но в сущности имеет совершенно отличное значение, именно потому, что в нем недостает смысла существенности, который возникает из внутреннего развития смысла цельной личности.

Весьма во многих системах рациональной философии видим мы, что догматы о единстве Божества, о Его всемогуществе, о Его премудрости, о Его духовности и вездесущии, даже о Его троичности, — возможны и доступны уму неверующему. Он может даже допустить и объяснить все чудеса, принимаемые верою, подводя их под какую-нибудь особую формулу. Но все это не имеет религиозного значения, только потому, что рациональному мышлению неместимо сознание о живой личности Божества и о Ее живых отношениях к личности человека.

Сознание об отношении живой Божественной личности к личности человеческой служит основанием для веры, или, правильнее, вера есть то самое сознание, более или менее ясное, более или менее непосредственное. Она не составляет чисто человеческого знания, не составляет особого понятия в уме или сердце, не вмещается в одной какой-либо познавательной способности, не относится к одному логическому разуму, или сердечному чувству, или внушению совести; но обнимает всю цельность человека, и является только в минуты этой цельности и

соразмерно ее полноте. Потому главный характер верующего мышления заключается в стремлении собрать все отдельные части души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, и прекрасное, и истинное, и удивительное, и желанное, и справедливое, и милосердное, и весь объем ума сливается в одно живое единство, и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первозданной неделимости.

Не форма мысли, предстоящей уму, производит в нем это сосредоточение сил; но из умственной цельности исходит тот смысл, который дает настоящее разумение мысли.

Это стремление к умственной цельности, как необходимое условие разумения высшей истины, всегда было неотъемлемою принадлежностью христианского любознания. Со времен Апостолов до наших времен оно составляет его исключительное свойство. Но с отпадения Западной Церкви оно осталось преимущественно в Церкви Православной. Другие христианские исповедания хотя не отвергают его законности, но и не почитают его необходимым условием для разумения Божественной истины. По мнению римских богословов и философов, кажется, было достаточно, чтоб авторитет Божественных истин был однажды признан для того, чтоб дальнейшее разумение и развитие этих истин могло уже совершаться посредством мышления отвлеченно логического. Может быть, по особому пристрастию к Аристотелю, богословские сочинения их носят характер логического изложения. Самый ход мышления совершался наружным сцеплением понятий. Под догмат веры искали они подвести логическое оправдание. В этом логическом изложении из отвлеченно-рассудочного разумения догматов, тоже, как отвлеченный вывод, раздались требования нравственные. Странное рождение живого из мертвого! Мудреное требование силы во имя мысли, которая сама не имеет ее.

Отделенное от других познавательных сил, логическое мышление составляет естественный характер ума, отпавшего от своей цельности. Весь порядок вещей, происшедший вследствие этого раздвоенного состояния человека, сам собою влечет его мышление к этой логической отдаленности. Потому-то вера и превышает естественный разум, что он опустился ниже своего первоестественного уровня. Потому и не необходимо для него

возвыситься к первообразному единству, чтоб проникнуться верою.

Не для всех возможны, не для всех необходимы занятия богословские; не для всех доступно занятие любомудрием; не для всех возможно постоянное и особое упражнение в том внутреннем внимании, которое очищает и собирает ум к высшему единству; но для всякого возможно и необходимо связать направленные своей жизни с своим коренным убеждением веры, согласить с ним главное занятие и каждое особое дело, чтоб всякое действие было выражением одного стремления, каждая мысль искала одного основания, каждый шаг вел к одной цели. Без того жизнь человека не будет иметь никакого смысла, ум его будет счетной машиной, сердце — собранием бездушных струн, в которых свищет случайный ветер; никакое действие не будет иметь нравственного характера, и человека собственно не будет. Ибо человек — это его вера.

И нет такого неразвитого сознания, которому бы не под силу было проникнуться основным убеждением христианской веры. Ибо нет такого тупого ума, который бы не мог понять своей ничтожности и необходимости высшего откровения; нет такого ограниченного сердца, которое бы не могло разуместь возможность другой любви, выше той, которую возбуждают в нем предметы земные; нет такой совести, которая бы не чувствовала невидимого существования высшего нравственного порядка; нет такой слабой воли, которая бы не могла решиться на полное самопожертвование за высшую любовь своего сердца. А из таких сил слагается вера. Она есть живая потребность искупления и безусловная за него благодарность. В этом вся его сущность. Отсюда получает свой свет и смысл все последующее развито верующего ума и жизни.

Духовное общение каждого христианина с полнотою всей Церкви.

Он знает, что во всем мире идет та же борьба, какая совершается в его внутреннем самосознании, борьба между светом и тьмою, между стремлением к высшей гармонии и цельности бытия, и пребыванием в естественном разногласии и разъединенности, между свободою воли человека, созидающею духовную

личность, и покорностию внешним влечениям, обращающим его в орудие чужих сил; между великодушным самоотвержением и боязливым себялюбием, одним словом, между делом искупления и свободы и насильственной властью естественного, расстроенного порядка вещей.

Как бы ни мало было развито это сознание, но он знает, что во внутреннем устройстве души своей он действует не один, и не для одного себя; что он делает общее дело всей Церкви, всего рода человеческого, для которого совершилось искупление и которого он только некоторая часть. Только вместе со всею Церковью и в живом общении с нею может он спастись.

Каждая нравственная победа в тайне одной христианской души есть уже духовное торжество для всего христианского мира. Каждая сила духовная, создавшаяся внутри одного человека, невидимо влечет к себе и подвигает силы всего нравственного мира. Ибо как в мире физическом небесные светила притягиваются друг к другу без всякого вещественного посредства, так и в мире духовном каждая личность духовная, даже без видимого действия, уже одним пребыванием своим на нравственной высоте, подымает, привлекает к себе все сродное в душах человеческих. Но в физическом мире каждое существо живет и поддерживается только разрушением других; в духовном мире созидание каждой личности созидает всех, и жизнь всех дышит каждая.

Во все времена были и есть люди, проникнутые высшим светом и силою веры. От них, как лучи от звезд, расходится истинное учение веры по всему христианскому миру. В истории Церкви можно видеть часто видимые способы этого света, как он проникает из мест, озаренных высшим учением, в страны, где оно затемнялось волею человека; как погасал этот свет в местах, которые прежде всего более освящались им, и как опять зажигается от принесенный из других стран, прежде лежавших во тьме. Ибо благодать истины никогда не оскудевает в Царстве Божиим.

История Афона.

Духовная Иерархия. — Лестница Иакова. — Живые истины — не те, которые составляют мертвый капитал в уме челове-

ка, которые лежат на поверхности его ума и могут приобретаться внешним учением, но те, которые зажигают душу, которые могут гореть и погаснуть, которые дают жизнь жизни, которые сохраняются в тайне сердечной и, по природе своей, не могут быть явными и общими для всех; ибо, выражаясь в словах, остаются незамеченными, выражаясь в делах, остаются непонятными для тех, кто не испытал их непосредственного прикосновения. По этой-то причине особенно драгоценны для каждого христианина писания Св. Отцев. Они говорят о стране, в которой были.

Отношение веры к разуму, или какую степень знания составляет вера?

Различные отношения внутреннего самосознания к Богопознанию.

Сознание всепроникающей связности и единства Вселенной предшествует понятию о единой причине бытия и возбуждает разумное сознание единства Творца.

Неизмеримость, гармония и премудрость мироздания наводят разум на сознание всемогущества и премудрости Создателя.

Но единство, всемогущество, премудрость и все другие понятия о Божественности первой причины, которые разум может извлечь из созерцания внешнего мироздания, еще не внушают ему того сознания о живой и личной самосущности Создателя, которое дает существенность нашим умственным к Нему отношениям, перелагая самое внутреннее движение наших мыслей и чувств к Нему из сферы умозрительной отвлеченности в сферу живой, ответственной деятельности.

Это сознание, совершенно изменяющее характер нашего богомыслия и которое мы не можем извлечь прямо из одного созерцания внешнего мироздания, возникает в душе нашей тогда, когда к созерцанию мира внешнего присоединится самостоятельное и неуклонное созерцание мира внутреннего и нравственного, раскрывающего пред зрением ума сторону высшей жизненности в самых высших соображениях разума.

Вера — не доверенность к чужому уверению, но действительное событие внутренней жизни, чрез которое человек входит в существенное общение с Божественными вещами (с Высшим миром, с Небом, с Божеством).

Главная причина заблуждения человека заключается в том, что он не знает, что любит и чего хочет.

Потребность счастья, потребность любви, потребность гармонии, потребность правды, потребность сочувствия, потребность умиления, потребность деятельности, потребность самозабвения, потребность саморазумения — все эти законные и существенные потребности человеческого сердца происходят из одного общего корня жизни, до которого немногие доводят свое самосознание.

Справедливость, правда, реже любви, потому что она труднее, стоит более пожертвований и менее усладительна.

Мы охотно удвоили бы наши жертвования, только бы уменьшить наши обязанности. Как часто встречается человек великодушный и вместе несправедливый, благотворительный и неблагодарный, щедрый и скупой, расточительный на то, что не должно тратить, и скупой на то, что обязан давать; преданный по прихоти, жесткий с теми, кто имеет право на его преданность; ненавистный, может быть, в том кругу, куда поставило его Провидение, и достойный любви и удивления, как скоро выходит из него, охотник в делах человеколюбия и беглец из рядов обязанностей, и воображающий, что может произвольным и часто бесполезным жертвованием уплатить нарушение самых существенных, самых близких обязанностей. Не труды, не жертвования, не опасности — ему противна правильность порядка. Ему легче быть возвышенным, нежели честным. Но не скажу: ему легче быть милосердным, нежели справедливым, ибо милосердие несправедливого — не милосердие.

В добре и зле все связано. Добро одно, как истина одна. Справедливость к милосердию, как ствол дерева к его верхушке.

Мышление, отделенное от сердечного стремления, есть так же развлечение для души, как и бессознательная веселость. Чем глубже такое мышление, тем оно важнее, по-видимому, тем, в сущности, делает оно человека легкомысленнее. Потому серьезное и сильное занятие науками принадлежит также к числу средств развлечения, средств для того, чтобы рассеяться, чтобы отделаться от самого себя. Эта мнимая серьезность, мнимая дельность разгоняет истинную. Удовольствия светские действуют не так успешно и не так быстро.

Чувство восстановления (исцеления) нашего внутреннего единства и гармонии.

Веровать — это получать из сердца то свидетельство, которое Сам Бог дал Своему Сыну.

Вера — взор сердца к Богу.

Справедливость, нравственность, дух народа, достоинство человека, святость законности могут сознаваться только в совокупности с сознанием вечных религиозных отношений человека.

Мир свободной воли имеет свою правду в мире вечной нравственности.
